

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Hank Green
AN ABSOLUTELY REMARKABLE THING

Copyright © Hank Green, 2018

Перевод с английского *Е. Музыкантовой*
Художественное оформление и иллюстрация на переплете
Е. Окольциной

Грин, Хэнк.

Г85 Совершенно замечательная вещь / Хэнк Грин ;
[пер. с англ. Е. Музыкантовой]. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-102810-7

Эйприл Мэй подрабатывает дизайнером, чтобы оплатить учебу в художественной школе Нью-Йорка. Однажды ночью, возвращаясь домой, она натывается на огромную странную статую, похожую на робота в самурайских доспехах. Раньше ее здесь не было, и Эйприл решает разместить в сети видеоролик со статуей, которую в шутку назвала Карлом. А уже на следующий день девушка оказывается в центре внимания: миллионы просмотров, лайков и сообщений в социальных сетях. В одночасье Эйприл становится популярной и богатой, теперь ей не надо сводить концы с концами. Но разве можно обрести поклонников и не нажить кучу врагов? И это далеко не единственная проблема. Нужно узнать правду о загадочном Карле, ведь такие же фигуры стали появляться в разных городах по всему миру.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Музыкантова, перевод на
русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102810-7

Спасибо, мам!

ГЛАВА 1

Слушайте, я в курсе, вы тут ждете эпическую историю про интриги, тайны и приключения, чтобы кто-нибудь едва не умер или даже умер, но до тех пор (если только не хотите сразу перескочить к тринадцатой главе, дело ваше) придется смириться с тем, что я, Эйприл Мэй, не только одна из ключевых фигур в истории человечества, но и обычная девушка, которая тоже совершала ошибки. У меня идеальная позиция — вам, по сути, деваться некуда. Это моя история, и я изложу ее так, как сама захочу. А значит, вам придется принять не только историю, но и меня саму, так что не удивляйтесь, без драмы не обойдется. Я постараюсь подойти к делу объективно, но заранее предупреждаю: определенной предвзятости мне не избежать. В идеале вам не придется принимать чью-то сторону, вы просто поймете, что я — человек (ну или по крайней мере была им).

* * *

Например, я чувствовала себя исключительно по-человечески, когда тащила свою уставшую задницу по Двадцать третьей улице в 2.45 ночи, отработав шестнадцать часов на стартапе, который (спасибо крайне агрессивному дерьмовому контракту) даже назвать не могу. Учеба в художественной школе может проделать огромную дыру в бюджете, но только если приходится

брать одну ссуду за другой на оплату своего несерьезного обучения. Именно в это я и вляпалась. Мои родители неплохо зарабатывали на поставках оборудования для малых и средних молочных ферм. Ну, таких штуковин, которые цепляют коровам к вымени, чтобы добывать молоко. Хороший бизнес, и доходов с него хватило бы, пойдя я в государственный колледж. Ничего подобного. Я влезла в кредиты. По уши. Перебрав кучу специальностей (реклама, изобразительное искусство, фотография, иллюстрация) и наконец остановившись на приземленном (но по крайней мере полезном) бакалавриате — на направлении «Дизайн», я ухватилась за первую же работу, которая позволяла зацепиться в Нью-Йорке и не возвращаться в родительский дом в Северной Калифорнии.

И это была работа в изначально обреченном стартапе, финансируемом толпой толстосумов, одержимых самой скучной мечтой, которая только может быть у богатых: стать еще богаче. Конечно, стартап подразумевает, что вы становитесь частью «семьи», и поэтому, когда что-то идет не так, или когда горят сроки, или когда инвестор психует, или просто *потому что*, вам приходится до трех часов утра торчать на работе. Которую, честно говоря, я ненавидела. Ненавидела, потому что приложение по рациональному распределению времени было глупой затеей и на самом деле ничем не помогало людям; ненавидела, потому что знала: я делаю это только ради денег; потому что они требовали от сотрудников буквально жить работой, а это означало, что у меня не оставалось свободного времени на личные проекты.

НО!

Я на самом деле трудилась по специальности, занималась графическим дизайном и получала достаточно, чтобы позволить себе аренду жилья менее чем спустя год после окончания колледжа. Условия работы казались издевательскими, я выкидывала половину дохода

СОВЕРШЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ

за возможность снимать однокомнатную квартиру, но в целом все получалось.

Ладно, вру, не все. Моя кровать была в гостиной, но в основном я спала в комнате Майи. Мы не были парой, просто снимали жилье на двоих, и прежняя Эйприл хотела бы сразу это прояснить. В чем разница? Ну, в основном, что сначала мы стали вместе жить, а потом уже встречаться. Крутить роман с соседом по квартире удобно, но немного сбивает с толку, когда вы сперва прожили бок о бок большую часть колледжа, а вот теперь уже больше года состоите в отношениях.

И как в таком случае задать вопрос: «Не пора ли нам съехаться?» У нас он звучал: «Давай уберем тот потрепанный матрас из гостиной, чтобы можно было сидеть на диване, когда смотрим «Нетфликс»?» Я же ответила: «Ни в коем случае, мы просто соседки по квартире, которые еще и встречаются». Поэтому в гостиной по-прежнему оставалось спальное место.

Сказала же, без драмы не обойдется.

Ладно, вернемся к той роковой январской ночи. Это дерьмовое приложение на следующей неделе должно было выйти в App Store, и я ждала окончательного подтверждения некоторых изменений пользовательского интерфейса и прочей скучной ерунды, которая вас явно не волнует. Вместо того чтобы прийти пораньше, я, как обычно, засиделась допоздна. Мозг окончательно выдохся от попыток интерпретировать загадочные указания боссов, не умевших отличить растр от вектора. Я вышла из здания (это был даже не настоящий съемный офис, а коворкинг, совместное рабочее пространство) и за три минуты одолела три квартала до станции метро.

Вдруг безо всякой видимой причины у меня не сработал проездной. На работе валялся еще один, а я не знала точно, сколько денег у меня на счету, поэтому решила вернуться за запасным.

И вот зажигается зеленый свет, я пересекаю Двадцать третью, гудит такси, словно меня не должно быть на пешеходном переходе (да брось, чувак, я иду на свой сигнал!). Поворачиваю в сторону офиса и сразу вижу ее. Подхожу ближе, и становится ясно, что это действительно... **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** исключительная скульптура.

В смысле вообще исключительная, но еще и немного по нью-йоркски исключительная, понимаете?

Как бы так объяснить? Ну... пожалуй... в Нью-Йорке люди часто тратят по десять лет на то, чтобы создать нечто удивительное, какую-то вещь, которая настолько точно отражает суть идеи, что внезапно мир становится в десять раз яснее. Она красивая, мощная, и кто-то посвятил ей огромную часть своей жизни. Она гремит в местных новостях, и все говорят: «А ничего так!» И на завтра мы забываем о ней в пользу какой-то **АБСОЛЮТНО ИДЕАЛЬНОЙ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ ВЕЩИ**. Это не делает предыдущую менее чудесной или уникальной... Просто в городе живет много людей, они творят много чего удивительного, так что в итоге вы несколько пресыщаетесь.

Так я и среагировала, когда увидела его — трехметрового Трансформера в самурайских доспехах. Его огромная бочкообразная грудь выпирала на добрые метра полтора выше моей макушки. Он просто стоял посреди тротуара, излучая энергию и силу. Казалось, будто в любой момент «самурай» повернется и сосредоточит на мне этот пустой царственный взгляд. Но вместо этого истукан просто стоял там, молчаливый и почти презрительный, как будто мир не заслуживал его внимания. В уличном свете его доспехи напоминали лоскутное одеяло из черных матовых и серебристых полированных пластин. И это явно был металл... а не какая-нибудь раскрашенная картонка косплеера. Потрясающая работа. Я остановилась на пять секунд, вздрогнула как

СОВЕРШЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ

от холода, так и от пристального взгляда статуи... и пошла дальше.

Как вдруг почувствовала. Себя. Самой. Большой. Дурой. В мире.

Ну то есть я, художник, вкладываю уйму сил в совершенно неинтересную работу, чтобы платить неприлично высокую аренду и иметь возможность погружаться в одну из самых креативных и влиятельных культур на земле. Посреди тротуара стоит произведение искусства, инсталляция, над которой неизвестный художник, может, годами трудился, чтобы люди останавливались и смотрели. А я, избалованная жизнью в большом городе и вымотанная часами возни с пикселями, даже не обернулась на что-то настолько прекрасное.

Отчетливо помню тот момент, поэтому, пожалуй, расскажу подробно. Я вернулась к скульптуре, встала на цыпочки и спросила:

— Как думаешь, мне позвонить Энди?

Разумеется, истукан промолчал.

— Если да, то просто стой и ничего не делай.

И я достала телефон.

Но сперва небольшая предыстория, кто же такой Энди!

У вас бывало, что вот стоишь на пороге нового этапа в жизни и думаешь: *«Ну, конечно же, я буду и дальше любить, ценить и общаться со всеми этими классными людьми, с которыми провела так много лет, и плевать, что наша жизнь круто изменилась»*, а потом удаляешь их из друзей в фейсбуке, потому что вы никогда больше не пересечетесь? Что ж, Энди, Майя и я каким-то образом (до сих пор) сумели избежать этой участи. Нас с Майей связывало проживание на одной и той же площади в сто двадцать квадратных метров. Энди же обитал на другом конце города, и мы даже не были с ним знакомы до предпоследнего курса. Мы с Майей по большей части вместе ходили на занятия, ну и действительно очень

друг друга любили. И каждый раз вставляли в пару, когда случался групповой проект. Однако профессор Кеннеди решил разбить нас на группы по трое, что означало появление «лишнего колеса» в нашем слаженном дуэте. Каким-то образом мы вляпались в Энди (или, возможно, с его точки зрения, он вляпался в нас).

Я знала, кто такой Энди. К тому моменту у меня о нем сложилось смутное впечатление как о парне, который верит в себя больше, чем имеет на то право. Он был худым, неуклюжим и бледным, как бумага. Было ощущение, что Энди в парикмахерской каждый раз просил постричь его так, чтобы казалось, будто он вовсе не стригся. Зато Энди любил пошутить, и по большей части его шутки были либо забавными, либо умными.

Проект заключался в полной разработке бренда для вымышленного продукта. Делать или не делать упаковку — оставляли на наше усмотрение, но требовалось создать несколько вариантов логотипа и руководство по стилю (такую небольшую книжку, где рассказывается, как должен быть представлен бренд, какие шрифты и цвета следует использовать в каких ситуациях). Предполагалось, что мы придумаем какую-то классную компанию, которая работает по принципу честной торговли, производит этичные джинсы с совершенно бесполезными карманами или что-то в этом роде. На самом деле половина ребят почти всегда брали вымышленную пивоварню. Все-таки мы студенты и выложили слишком много денег, чтобы стать экспертами в пиве и иметь возможность рассуждать о нем с апломбом снобов.

Уверена, в этом направлении мы с Майей и двинулись бы, но Энди прямо-таки уперся рогом и каким-то образом уболтал нас взяться за бренд «Бабл бам», жвачку с ароматом задницы. Поначалу его доводы звучали как полный бред, мол, все равно после колледжа нам ни-

СОВЕРШЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ

чего интересного не светит, вот и здесь можно не заморачиваться. Но потом он заговорил уже серьезно:

— Слушайте, раскрутить что-то клевое легко, поэтому все за это и хватаются. Только клевое часто означает скучное. А вот заставить ерунду выглядеть интересно? Продать непродаемое? Это настоящий вызов. Для такого нужен талант. Вот и покажем им талант.

Прекрасно помню тот эпизод, ведь именно он заставил меня по-другому взглянуть на Энди. К концу проекта я поневоле смотрела на остальных ребят свысока. Они на полном серьезе трудились над своими джинсами и частными пивоварнями. В итоге наша работа вышла потрясающей. Энди был — я это знала, но как-то не придавала особого значения — невероятно крутым иллюстратором, а с талантом Майи к каллиграфии и моей цветовой палитрой получилось действительно здорово.

Вот так мы все и сошлись — и слава богу. Честно говоря, нам нужен был третий человек, чтобы как-то уравновесить яркость начала отношений. После проекта, который настолько понравился Кеннеди, что его разместили на сайте класса, наш дуэт отчасти превратился в трио. Мы даже в складчину брались за фрилансовые заказы, и время от времени Энди навещался к нам в квартиру поиграть в настольные игры. Мы вечера напролет обсуждали политику, свои мечты и тревоги. Тот факт, что Энди слегка неровно ко мне дышал, никого из нас особо не беспокоил. Во-первых, он знал, что я занята. Во-вторых, вряд ли Майя видела в нем конкурента. Каким-то образом наша дружба пережила окончание колледжа и мы продолжили общаться с веселым, странным, умным и одновременно глупым Энди Скемптом.

Которому я сейчас и звонила посреди ночи.

— Эйприл, твою мать, три часа утра!..

— Слушай, тут одна штука, думаю, ты хотел бы ее увидеть.

ХЭНК ГРИН

— А до рассвета никак не подождет?

— Нет, она невероятно крута. Тащи сюда камеру... у Джейсона световых приборов не найдется?

Джейсон был соседом Энди по квартире, и оба они мечтали об интернет-славе. Вели на свою скудную аудиторию стримы, как играют в видеоигры, записывали подкасты вроде «лучших сцен смерти в кино», снимали ролики и загружали их на ютьюб. Прямо-таки поветрие среди обеспеченных ребят, которые вопреки огромному количеству доказательств обратного верят, будто миру действительно нужен еще один белый парень-комик. Звучит грубо, но так мне тогда казалось. Теперь, конечно, я знаю, как легко поверить в собственную никчемность, если никто тебя не смотрит. С тех пор я еще начала слушать подкаст Убивателя, и, знаете, он довольно забавный.

— Стой... что происходит? И чего ты от меня хочешь?

— Вот чего: ты сейчас бежишь к театру Гремерси, тащишь сюда столько барахла Джейсона, сколько в принципе поднимешь, и, поверь, не пожалеешь ни секунды. Поэтому даже думать не смей дальше рубиться в свои хентай-игрушки... это круче, честное слово.

— Ну да, только ты хоть раз играла в «Фею сакуры-5»? Играла?

— Я вешаю трубку... чтобы через пять минут ты был здесь.

И я отключилась.

Пока я ждала Энди, мимо прошли несколько людей. Манхэттен, конечно, теперь не тот, что прежде, но все еще город, который никогда не спит. А еще город «Вот список того, что меня волнует. Видишь? Ни фиги в нем нет». Люди бросали на скульптуру быстрый взгляд и шли мимо, как почти сделала и я. А я постаралась напустить на себя деловой вид. Манхэттен — безопасное место, но это не означает, будто никому не придет в голо-

СОВЕРШЕННО ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВЕЩЬ

ву пристать к одинокой девушке двадцати трех лет, что торчит на улице в три часа утра.

Следующие несколько минут я разглядывала скульптуру. На Манхэттене никогда не бывает темно, вокруг сияли фонари, но глубокие тени и размеры инсталляции не давали понять ее по-настоящему. Да, она массивная. Да, вероятно, весит несколько сотен килограмм. Я сняла перчатку и ткнула скульптуру пальцем, с удивлением обнаружив, что металл почему-то не холодный. На самом деле и не то чтобы теплый... но прочный. Я постучала по «животу», но не услышала характерного звона полого сосуда. Звук вышел глухим, за ним последовал низкий гул. Может, в этом и заключалась задумка художника: чтобы жители Нью-Йорка взаимодействовали с объектом... открывали его свойства? Когда вы учитесь в художественной школе, то много думаете о целях и намерениях. Просто по умолчанию: видишь искусство → осмысливаешь искусство.

В конце концов я бросила философствовать и просто приняла скульптуру как есть. Она начала мне по-настоящему нравиться. Не просто как чье-то творение, но именно как предмет искусства, которым можно наслаждаться. Она совершенно не походила на все то, что я уже видела. И эта переключка с Трансформерами — очень смелая. Например, я сама побоялась бы делать что-то, похожее на человекоподобных роботов. Кому охота, чтобы его труд сравнивали с чем-то уже популярным? Для творца это худшее из зол.

Но скульптуру язык не поворачивался назвать банальным подражанием. Она словно явилась из другого мира. Я все еще рассматривала ее, когда Энди оторвал меня от процесса.

— Охреть... — За его спиной болтался рюкзак, с плеч свисали три камеры, а в руках друг сжимал два штатива.

— Ага.